

# СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

1933

№ 3—4

*Проф. Н. М. МАТОРИН*

## ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

### I

Под влиянием глубокой перестройки всей общественной жизни в СССР на социалистических началах, под влиянием теоретической разработки и успехов марксистско-ленинского учения во всех областях исторических наук, советская этнография также вступила на путь решительной реконструкции по всей линии научного исследования. Этот процесс не проходит гладко, трудности и болезни роста дают себя знать; в области подготовки кадров и реконструкции музейной экспозиции главная работа еще вся впереди, но путь советской этнографии, как он отражен и в решениях этнографических совещаний 1929, 1932 и 1933 гг., намечен правильно и бесповоротно.

„До-марксовская социология и историография, — писал В. И. Ленин, — в лучшем случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набросанных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая совокупность всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных классов общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных „главенствующих“ идей или в толковании их, вскрывая корни без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил“. Понимание этнографии, как одной из исторических дисциплин, а не как своеобразной „царицы“ всех общественных наук, привело к разоблачению всех биологических, этногеографических, антропогеографических и прочих псевдонаучных подходов, к определению этнографии и ее места в системе человеческого знания.

Сейчас особенное значение имеет борьба на этнографическом фронте с врагом, пробирающимся „тихой сапой“. На него должен быть направлен главный удар всех историков-марксистов. Настоящая борьба с классовым врагом в этнографии должна идти путем кропотливой и повседневной работы, в реальном продвижении по пути научного исследования, в реальном преодолении чуждых концепций на самом этнографическом материале.

К. Маркс и Ф. Энгельс не раз обращались к этнографическим материалам при изучении архаической общественной формации. Работа Энгельса „Происхождение семьи, частной собственности и государства“ остается путеводной звездой для всякого этнографа-марксиста, для всякого нашего историка первобытного общества. Недаром Ленин характеризует эту работу, как „одно из основных сочинений современного социализма, в котором можно с доверием отнестись к каждой фразе, с доверием, что каждая фраза сказана не наобум, а написана на основании громадного исторического и политического материала“. Задачей советских этнографов при проработке классиков марксизма является

не только усвоение выводов Маркса и Энгельса в отношении первобытного коммунизма, но и изучение тех материалов и литературных источников, которыми пользовались Маркс и Энгельс при анализе архаической формации.

Между эпохой Маркса и Энгельса и нашей эпохой лежит большое расстояние. Но в ту же точку бьют и указания Ленина, поскольку ему приходилось касаться истории до-классового общества; тем более это справедливо в отношении тех разделов этнографии, где мы вплотную подходим к теории национального вопроса, столь блестяще развитой Лениным и затем Сталиным. Советская этнография имеет свои марксистско-ленинские традиции, опираясь на учение и революционную практику теоретиков и вождей международного пролетарского движения. В области конкретной марксистской разработки вопросов этнографии мы можем назвать немного имен, и прежде всего славное имя Поля Лафарга, которого Ленин назвал в своей речи на похоронах Поля и Лауры Лафарг „одним из самых талантливых и глубоких распространителей идей марксизма“. Русские революционные социал-демократы по выражению Ленина „имели счастье“ из сочинений Лафарга и его друзей почерпнуть непосредственное знакомство с революционным опытом и революционной мыслью европейских рабочих.<sup>1</sup> Лафарг посвятил всю свою жизнь революционной борьбе. Он горячо боролся и на идеологическом фронте. Его работы по сравнительному фольклору являются такими же боевыми снарядами против буржуазной идеологии, против фальсификации исторического процесса, как и его язвительные и блестящие памфлеты. „Матриархат“, „Свадебные песни и обычаи“, „Происхождение собственности в Греции“, „Миф о Прометее“, „Миф о Пандоре“, „Миф об Адаме и Еве“, „Обрезание“, „Миф о непорочном зачатии“, „Супружеская неверность“, работы о происхождении души, идей справедливости, „Вера в бога“ — все это обнаруживает громадные знания Лафарга в области этнографии и истории культуры и представляет образцы более или менее близкого к истине материалистического анализа явлений первобытного общества и пережиточных институтов. Большое знакомство с этнографической литературой обнаруживает и Г. В. Плеханов. Его „Письма без адреса“ являются серьезным вкладом в материалистическое понимание первобытного искусства и обращают оружие буржуазной науки, собранный ею фактический материал, против ее собственных выводов (напр., вопрос о происхождении игры в трактовке автора известного сочинения „Работа и ритм“ К. Бюхера). Плеханов привлекает этнографические примеры и при рассмотрении общих вопросов исторического материализма. При всех ошибках Плеханова было бы нелепо игнорировать значение плехановских работ, и сейчас ознакомление с той этнографической литературой, которую знал Плеханов и с его оценками ее (при критическом подходе к ним) чрезвычайно полезное дело для изучения марксистского метода в этнографии.

Из русских марксистов необходимо еще упомянуть добрым словом экономиста Н. Зибер, работа которого „Очерки первобытной экономической культуры“ в основном не устарела и сейчас. Корректируя показания буржуазных этнографов о тех или иных народах, Н. Зибер указывает свои методологические установки или, как он выражается в предисловии к своему труду, „методологический прием“. Зибер имеет своей задачей „составить себе более или менее цельное понятие об общественно-хозяйственном сложении первобытного общества, насколько то позволяет недостаточность и бессистемность весьма многих наблюдений. Основные черты этого сложения следует искать в форме организации работ, служащих для поддержания существования общества, или, что то же самое, в форме общественного производства и потребления. Одно только изучение организации общественного труда способно наглядным и правильным образом разъяснить внутреннюю природу и особен-

<sup>1</sup> В. И. Ленин. Собр. соч., изд. 1-е, т. XI, ч. II, стр. 432—433.

ности политических, юридических, религиозных, умственных и многих других явлений общественной жизни первобытных народов".<sup>1</sup> Н. Зибер не является по своему мировоззрению каким-либо академическим педантом. Вспомним хотя бы его отзыв о рабстве, существующем в новое время. „Новейший вид рабства для промышленно-капиталистических целей есть наиболее ненавистный и гнусный из всех, когда-либо существовавших. Нет человека в мире, который мог бы найти хоть одно слово в защиту той новейшей системы рабства, которая служила и служит единственно для целей накопления капитала, для обогащения класса цивилизованных извергов, прикрывающих свою алчность соображениями какой-то фиктивной общественной пользы“.<sup>2</sup>

Для изучения роли пережитков в позднейших общественно-экономических формациях имеют громадное значение работы вождя советских историков-марксистов М. Н. Покровского. Его „Очерки по истории русской культуры“, несмотря на допущенные М. Н. Покровским ошибки в трактовке происхождения религии, представляют выдающийся интерес для материалистического понимания истории верований, явлений религиозного синкретизма и т. д. Работа его прежнего сотрудника по „Русской истории“ Н. М. Никольского насыщена белорусским этнографическим материалом; в наше время Н. М. Никольский является виднейшим этнографом марксистом, хорошо знакомым с фактами и энергично борющимся с чуждыми влияниями в этнографии (см. его статью в журнале „Советская этнография“ № 4 за 1932 г. по поводу белорусского националдемократизма).

Советское поколение этнографов может исходить в своих исследованиях из работ представителей старших поколений марксистской школы, из примеров и образцов деятельности их в том обширном круге исследований, который связан с первобытным обществом. Тем более актуальной представляется задача осуществления до конца принципа партийности в науке, требующего борьбы не только с откровенными врагами теории исторического материализма, наиболее ярко представленными в католической школе „этнологов“, но и с различными подделками, извращениями в развитии марксизма. Особое внимание советских этнографов должна заслуживать борьба с установками по вопросу о первобытном обществе таких матерых ренегатов марксизма, как Генрих Кунов и Карл Каутский. Именно Кунов положил еще в 90-х годах начало ревизии теории Моргана и взглядов Энгельса по вопросу о семье и браке, отказался от теории существования группового брака, а затем пришел и к отрицанию самого первобытного коммунизма. Конечно, работа Кунова „Хозяйство первобытных и полукультурных народов“ может быть использована против самого Кунова, но это еще задача революционной марксистской критики.

Взгляды Кунова представляют собою отражение влияния буржуазной идеологии на рабочую партию и через ворота этнографического исследования открывают путь к атаке против историко-материалистического понимания первобытного общества, следовательно, и против марксистского понимания общественного процесса в целом. Кунов является ренегатом и в теории и на практике, так же, как и Каутский, процесс „загнивания“ которого начался еще несколько десятков лет тому назад и дошел до „точки“ в период фашистской диктатуры. Разбор работы Каутского „Материалистическое понимание истории“ еще предстоит нашему журналу, как совершенно необходимая задача. Здесь мы отметим только, что Каутский восстает против взглядов Энгельса и Маркса на процесс перехода от родовой организации общества к классовому. Целые главы в его сочинении посвящены „критике гипотезы Энгельса“.

„То, что мы здесь называем гипотезой Энгельса, было точкой зрения, которую разделял и Маркс. Эта точка зрения признается не только в марксист-

<sup>1</sup> Н. И. Зибер. Очерки первобытной экономической культуры. Изд. 2-е, СПб., 1899, стр. 5.

<sup>2</sup> Там же, стр. 570.

ских кругах, но с известными вариациями, в частности она вообще распространена очень широко. Энгельс нашел у Моргана описание перехода от рода к „политическому обществу“, которое совпадало в основном с его собственными взглядами и подкрепляло их. Тем не менее этот взгляд вызывает большие сомнения. В борьбе с „гипотезой Энгельса, Маркса, Моргана“ Каутский отрицает те условия разложения родовой общины, которые были выдвинуты Энгельсом. Он возражает против наследования общественных должностей, находит бездоказательной мысль Энгельса о возникновении „принудительной власти угнетателей над массой их сородичей“, находит, что Энгельс преувеличил значение дифференциации по богатству в „до-государственный“ период, протестует против тезиса Энгельса в „Антидюринге“, что „в основе деления на классы лежит закон разделения труда“. „До сих пор, — говорит Каутский, — это не было доказано изложением Энгельса, даже если мы будем рассматривать разделение функций между руководителями и руководимыми как разделение труда. Деление этих функций не приводит к классовому делению и тем не менее приводит к нему деление на богатых и на бедных, которое не имеет ничего общего с разделением труда“.<sup>1</sup> За недостатком места мы не останавливаемся на других выпадах Каутского против взглядов Энгельса на первобытное общество. Перед нами целая цепь ревизионистских и антимарксистских утверждений. Лжемарксисты Кунов и Каутский должны быть разоблачены и на этнографическом материале. Любопытно, что, подчеркивая распространенность влияния „гипотезы Энгельса“ на внемарксистские круги научных работников, Каутский выдает головою всем реакционерам — в первую очередь этнологам-миссионерам — и тех ученых, которые сохранили известные остатки традиций классической школы. Каутский-ренегат становится поперек дороги и тем ученым-материалистам, которые самостоятельно подходят к марксистской теории объяснения законов первобытного общества. Каутский тем самым противодействует процессу расслоения среди буржуазных ученых и выступает как открытый враг марксизма, он пытается задержать поступательный ход внутреннего развития самой науки о первобытном обществе, в которой уже эмпирически наблюдаемые факты готовят неизбежное торжество ненавистной ему „гипотезы“.

## II

В какой мере удастся реализовать материалистическое понимание истории на этнографическом материале Советского Союза?

Прежде всего материалы, собранные нашими этнографами-северниками по системам родства у народов Сибири и Дальнего Востока, всецело подтвердили правильность теории Моргана о закономерном развитии семьи и родовых отношений, показали наличие пережитков группового брака и материнства, равно как и закономерное развитие моногамной семьи в связи с зарождением частной собственности. Далее, исследование ряда народов Сибири, Алтая и Дальнего Востока убедительно показало, что уже начало русской колонизации застало эти народы на стадии разложения родового строя, что выделение старейших и зажиточных элементов было связано с появлением различных форм эксплуатации, подготовлявших проникновение капиталистических отношений в среду отсталых народов. Классовое расслоение не было просто искусственно импортированным явлением благодаря экспансии русских, китайских, японских или американских купцов и промышленников. Это классовое расслоение подтачивало род изнутри и у амурских рыболовов (гиляки), и у чукотских или самоедских оленеводов, и у тунгусских таежных охотников, и у скотоводов и звероловов Алтая. Некоторые из этих племен уже имели не только зачатки

<sup>1</sup> К. Каутский. Материалистическое понимание истории. Т. II. Государство и развитие человечества, 1931, стр. 63—69.

феодализма (как, напр., остяки), но и высоко-развитые его формы (зайсанство на Алтае, князья у калмыков и бурят), которые сплетались с остатками родового строя и использовали пережитки первобытно-коммунистических отношений для завуалирования и закрепления новых форм эксплуатации. Таким образом этнографические материалы по многоплеменному населению СССР дали блестящую иллюстрацию к материалистической теории генезиса классов. Обращаясь к таким явлениям, как право, религия и искусство, советские этнографы должны были проследить их закономерную и естественную связь с формами хозяйства, с уровнем развития производительных сил и характером производственных отношений. Эти институты возникали и развивались не сами по себе, а на основе изменения общественных отношений, изменения в способе производства. Правовая надстройка всюду и везде содействовала сохранению установившихся имущественных отношений и форм эксплуатации („адаты“ кавказских горцев). Резьба по кости северо-восточных племен Сибири отражала их хозяйственный быт, привычные сцены охоты, способы передвижения и т. п. Искусство орнамента при всей присущей ему стилизации позволяло нащупать не только в вещественном материале для оформления, но и в содержании своей символики господствовавшую у данного народа идеологию, а через нее — и ее материальные пружины, соответственные формы хозяйственной деятельности и общественных отношений. Наиболее ярко подтвердилось материалистическое понимание истории на примерах из области религии, когда мы смогли проанализировать социальную роль шамана или жреца, его связь с имущей верхушкой, а в шаманской идеологии отчетливо выяснилась структура позднего родового общества; сама шаманская вселенная оказалась своеобразной модификацией топографии знакомых жителям севера районов, с охотничьими или рыболовными атрибутами духов, с воспроизведением людских отношений в мире злых духов. В религиях более далеко ушедших по пути своего исторического развития народов эти черты влияния хозяйственных и культурных условий уже классового общества обнаружились еще более открыто. Чувашский загробный мир отражает быт старой чувашской деревни: и на том свете „Июмысь“ (женщины колдуньи, осколок древнего жречества) и „коштаны“ (кулаки, сельская буржуазия) остаются существовать со своими прежними функциями. Злобные и сердитые духи чувашского или марийского пантеона — „керемети“ приобретают черты болгарских или татарских мурз, русских генералов и помещиков. В жертвоприношениях мордвы, более всего христианизированного и руссифицированного поволжского народа, черты классового расслоения сказывались в том, что в конце „моляна“ остатки пиршества доставались беднякам-пастухам, приходившим „глодать мослы“, т. е. кости. Мы уже не говорим о том, что в восточно-европейской разновидности христианского религиозного синкретизма, какой является так называемое „бытовое православие“ старой русской деревни, иерархия святых отразила в полной мере феодальную иерархию, что было блестяще показано в трудах историков России — М. Н. Покровского и автора „Истории русской церкви“ члена Белорусской Академии Наук Н. М. Никольского.

Дальнейшей задачей советских этнографов является не только освоение, кодификация и новое осмысление имеющегося этнографического материала, но и собирание фактов из области пережиточных явлений под новым углом зрения. Это касается такой области, как материальное производство: от голого вещеведения и формальной типологии советские этнографы, как и археологи, сделали здесь решительный шаг вперед к новому пониманию процессов материального производства, увязывая технику с экономикой. Руководящей нитью в этом направлении является указание Маркса, сделанное им в I томе Капитала: „Технология вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства, а вместе с тем и общественных условий его жизни и проистекающих из них духовных представлений“. Знание вещей, как

таковых, будь то одежда, жилище, пища и т. п., абсолютно необходимо. Но самодовлеющее, абстрагированное их изучение — изучение вне исторического процесса в целом, вне всей совокупности социально-экономических отношений и возникающей на их основе идеологии — невозможно.

Советские этнографы находятся в самом начале своего нового пути. Они отлично сознают ответственность взятой ими на себя задачи, они должны работать в тесной кооперации с археологами (историками материальной культуры акад. Н. Я. Марра), с лингвистами, двинувшими весьма сильно вперед материалистическое языкознание после замечательных открытий, с фольклористами, искусствоведами, историками права и религии. Это тем более необходимо, что принцип единства теории и практики должен лежать в основе работ всех советских этнографов. Выпавшая на их долю, вместе с другими историками, работа по анализу докапиталистических формаций и их остатков не является отвлеченным академическим делом, а связана с решением такой проблемы всемирно-исторического порядка, как некапиталистический путь развития отсталых народов Севера, Алтая, Памира, Закавказья. Сюда относятся и проблема оседания кочевников в Бурятии, Казакстане, Калмыкии и т. п., на севере коллективизация охотничьих, рыболовецких, оленеводческих хозяйств и осуществление культурной революции в целом ряде глухих и заброшенных национальных районов. Решение всех этих задач невозможно на основе субъективного или тенденциозного подхода, оно тем более невозможно без точного научного метода, который дается материалистическим пониманием исторического процесса, без определенного общественного мировоззрения, каким является только марксизм-ленинизм.

Под знаменем марксизма и будет развиваться дальше советская этнография, как историческая наука; под этим знаменем будут группироваться все передовые элементы из числа старых и молодых специалистов, под этим знаменем будут вырастать и бороться и участвовать в социалистическом строительстве новые кадры работников этнографического фронта. Под этим знаменем советская этнография будет сражаться и за свои международные задачи — против всякого конфессионализма и фидеизма в науке, против расовых теорий немецкого фашизма, против куновских и каутскианских подделок под марксизм и открытой ревизии марксизма, — за новое, диалектико-материалистическое освещение богатейшего этнографического материала, собранного во всех частях света, за сплочение всех материалистически мыслящих иностранных ученых. И только под знаменем марксизма наука о первобытном обществе сумеет стать подлинной наукой.